

ТРИ ЛЮБИМЦА АННЫ АВСТРИЙСКОЙ

Часть первая

ЛЮБОВЬ КАРДИНАЛА

Глава I,

в которой кардинал бегает по улицам, как кот, мучимый любовью, а три ночных вора не могут у него ничего украсть

В один из февральских вечеров 1625 года маленькая, низенькая дверь на улице Гарансьер медленно отворилась и показалась мужская голова. Пять часов пробило на часах Люксембургского дворца, носившего название дворца Медичи, по имени королевы-матери Марии Медичи. По приказанию королевы-матери Марии Медичи он был выстроен несколько лет тому назад. Улица была пустынна. Снег покрывал землю, что позволяло бы еще издали заметить спрятавшегося шпиона.

Человек, вероятно, остался доволен увиденным, так как, вместо того чтобы проворно войти в дом, к чему принуждал пронзительный ветер, он тихо притворил дверь и пошел по улице.

Это мог быть только влюбленный. Как настоящий искатель любовных приключений, он постарался скрыть все, что могло бы обнаружить его инкогнито. Поярковая шляпа, украшенная перьями, была низко надвинута на лоб, а длинный плащ закрывал всю нижнюю часть лица. Его глаза, сверкавшие металлическим блеском, словно у кота, длинный, крючковатый нос и закрученные усы — вот, пожалуй, и все, что можно было увидеть. Портрет влюбленного не лестен, но

исторически похож. Более ничего не позволял рассмотреть плащ. Но внимательный наблюдатель приметил бы в его костюме странное несоответствие. Вместо сапог со шпорами, которые в то время составляли непременную принадлежность всякого порядочного человека, у него на ногах были башмаки из оленьей шкуры с красными каблуками. На голове шляпа мушкетера, а ноги обуты как у танцора.

Под складками плаща угадывалась шпага. Влюбленный обеспечил себя возможностью защищать свой кошелек или свою жизнь от ночных грабителей, которых мог встретить на дороге. Но теперь он, по видимому, вовсе не заботился о подобном приключении. Полагаясь на спокойствие квартала, он шел к Новому мосту.

До сих пор он избегал неприятных встреч. Это было так странно, что он сам удивлялся. В то время следовало бояться не только ночных грабителей, но и знатных вельмож, которые после попойки в какой-нибудь модной таверне шатались по городу в поисках приключений, бесцеремонно поколачивая одних, преследуя других, стучась во все двери, ломая вывески и срывая плащи с прохожих, как настоящие хулиганы. Приятное препровождение времени для знатных вельмож, ничего не скажешь!

Покровительствуемый случаем или, скорее, тем, что шел по улицам немногочисленным, наш влюбленный без малейших приключений добрался до Нового моста. Но тут человек шесть бросились к нему с криками и диким хохотом. Конечно, это были не воры, боящиеся дозорных и избегающие шума. Скорее всего, это молодые вельможи, пьяные и безумные, которые, будучи уверены в своей безнаказанности, позволяли себе все.

Наш незнакомец в нерешительности остановился, но потом все же продолжил свой путь. Два толстяка бежали сломя голову впереди шайки, словно два зайца, преследуемые гончими. Человек в башмаках из оленьей шкуры понял, что негодяи гнались именно за этими беднягами, и надеялся, что пройдет благополучно и неприметно. Два толстяка, которых шайка подгоняла шпагами, пролетели, как два шара, мимо него, призывая дозорных отчаянными голосами. Преследователи убежали за ними, кроме троих, которые приметили нашего незнакомца и решительно преградили ему путь.

— Еще один, господа! — вскричал тот, что был к нему ближе.

— Прежде всего он должен отдать нам свой плащ, — заявил второй.

— Я не возьму у него кошелек, если он отдаст мне ключ, которым запирает свою жену! — закричал третий.

Эти три восклицания долетели до слуха незнакомца. Услышав последнюю реплику, он вздрогнул.

— Посторонитесь, господа,— сказал он голосом глухим и, очевидно, измененным, еще ниже опустив голову.

— «Посторонитесь»? — повторил последний.— Клянусь Богом, господа, какой дерзкий человек! Я упорно настаиваю на том, чтобы он отвел нас к своей жене.

— Да, но пусть прежде отдаст свой плащ.

Как бы в подтверждение слов любитель, разыгрывавший роль ночного вора, протянул руку и, прежде чем незнакомец успел отскочить назад, схватил его за плащ и сильно потянул к себе. Плащ раздвинулся настолько, что открыл часть костюма, который скрывал.

— Черт побери, господа, славная находка! Это какой-то фигляр с Сен-Жерменской ярмарки!

Незнакомец вырвал свой плащ, отступил на шаг. Выражение бешеного гнева промелькнуло в его зеленых глазах.

— Берегитесь, господа,— сказал он грозно.— У меня есть шпага.

Громкий хохот вырвался у всей троицы.

— И у нас есть шпаги,— отвечал тот, голос которого в первую минуту оказал такое сильное впечатление на незнакомца и который казался моложе и пьянее всех остальных.— Никто из нас никогда не прятал своей шпаги. Господа, проучим того, кто осмеливается говорить нам подобные дерзости!

— Проучим! Проучим! — закричали двое других.

Три клинка блеснули в свете звезд. Но тот, кому они угрожали, не испугался. Видимо, он имел средство выпутаться из беды, когда захочет, но очевидно также, что у него имелись причины употребить это средство лишь в крайнем случае. На лице его не отразилось ни страха, ни слабости, а только гнев с легким оттенком презрения. Вместо того чтобы самому вытащить шпагу, он стоял, скрестив руки на груди.

— Прошу вас простить мою ошибку, господа,— сказал он примирительным тоном.— Я принял вас в первую минуту за настоящих разбойников. Теперь я узнаю благородных молодых вельмож, нападающих на прохожих для развлечения. Надеюсь, что испуг, который вы возбудили во мне, достаточно вас развеселил, и прошу вас

позволить мне продолжить путь. Я бедный священник, отправляющийся по своей обязанности, и, если это может вас удовлетворить, я обещаю отслужить обедню за ваше здоровье.

Новый взрыв хохота:

— Священник в мушкетерской шляпе!

— В фиглярской обуви!

— Со шпагой!

— Это волокита, отправляющийся к своей возлюбленной!

— Ревнивый муж, переодевшийся, чтобы застать врасплох свою жену.

— А может, это аббат, который днем бормочет молитвы, а ночью рыскает по улицам, словно влюбленный кот.

— Надо его проводить.

— Да, мы увидим его возлюбленную.

— Мы расцелуем ее и выгоним любовника.

— А потом поведем к Неве, чтобы он испортил желудок от любви.

Незнакомец, нисколько не изменяясь в лице, пропустил град насмешек, сыпавшийся на него. После последних слов он сделал шаг к тому, к которому уже обращался, и, приняв твердый и надменный тон, сказал:

— Я согласен. Но когда вам надоест водить меня повсюду, я попрошу ваше высочество привести меня к его величеству королю Людовику Тринадцатому, дабы я мог ему сказать, не боясь опровержения, что его августейший брат Гастон Орлеанский, герцог Анжуйский, в сопровождении герцога Монморанси и Антуана де Бурбона, графа де Море, то есть трое самых благородных вельмож во всей Франции, конечно, после него, останавливают и грабят припозднившихся жителей его доброго города Парижа.

При первых словах этой страшной речи три шпаги, протянутые вперед, невольно опустились к земле. Настала минута тяжелого молчания. Герцог Генрих де Монморанси, самый старший из троих, тот, который непременно хотел сорвать с незнакомца плащ, опомнился первый.

— Милостивый государь! — вскричал он, приподняв свою шпагу.— Когда знаешь людей так хорошо, то честь требует объявить им и о себе. Я не знаю, кто вы, и хочу это знать. Назовите себя. Если вы дворянин, вы колебаться не будете, потому что ваше слово будет нам порукой за

ваше молчание. Если вы откажетесь назвать себя, стало быть, вы подлец, и тогда, клянусь кровью Монморанси, вы умрете!

— Хорошо сказано, Генрих! — одобрил граф де Море и тоже поднял шпагу.— Я буду тебе помогать в этом деле. Как вас зовут, милостивый государь?

Гастон Орлеанский же не сделал ни одного движения, не произнес ни одного слова.

— Вы сами этого захотели, господа,— сказал незнакомец.

Он снял шляпу, под которой обнаружилась гордая, надменная голова кардинала Ришелье, слывшего очень хитрым человеком. Глухое восклицание изумления, смешанное с некоторым ужасом, вырвалось у молодых людей.

— Кардинал...— прошептали они.

— Да, господа, кардинал,— сказал Ришелье с лицемерным спокойствием.— Кардинал, который охотно простит вам то, что вы остановили его и задержали исполнение приказаний его величества, если только этим делам не нанесло вреда мое невольное промедление.— Ришелье униженно поклонился Гастону Орлеанскому, который был смущен более своих товарищей, и продолжил: — Ваше высочество, простите мне слова, сказанные чуть ранее. Я надеялся этим заставить вас, ваше высочество, и ваших друзей отпустить меня, оставшись неузнанным, так как моя миссия должна быть известна только его величеству и Богу. Я прошу ваше высочество убедиться, что у вас нет слуги вернее меня и что тайна ваших удовольствий, каковы бы они ни были, никогда не будет разглашена мной. Следовательно, господа,— прибавил он, любезно улыбаясь,— продолжайте забавляться, как будто мы никогда не встречались.

Он низко поклонился герцогу Анжуйскому, потом его спутникам и, надев шляпу, поспешно удалился. Лицо его резко помрачнело, едкая улыбка скользнула по губам.

— Может, когда-нибудь мне придется вспомнить, что герцог де Монморанси приставлял к груди моей шпагу,— прошептал он.

Через несколько минут часы на церковной колокольне пробили шесть. Кардинал остановился, не встретившись более ни с кем, перед дверью черного входа одного из особняков на улице Сен-Тома. Его уже ждали, потому что при звуке его шагов дверь отворилась. Подозрительный кардинал, прежде чем войти, быстро осмотрелся

вокруг, удостоверюсь, не следуют ли за ним. Успокоившись на этот счет, он прошел за субреткой, которая тотчас провела его к своей госпоже, прекрасной герцогине де Шеврез, приятельнице и фаворитке королевы Анны Австрийской. Цель ночной прогулки кардинала была достигнута.

Глава II,

которая знакомит нас с тремя ночными ворами, а именно с братом короля, сыном Генриха IV, герцогом и пэром

Молодые люди никак не могли опомниться от изумления, в которое их привела эта встреча.

Ришелье не был еще тем, кем он стал впоследствии; его еще не называли красным кардиналом, потому что он еще не рубил тех высоких и знаменитых голов, которых впоследствии срубил предостаточно, но, судя по тому, что он позволял себе, на что был способен, дворянство, даже самое знатное, если еще не боялось его, то уже привыкало считаться с ним.

— Ваше высочество,— сказал герцог де Монморанси герцогу Анжуйскому,— если вы мне позволите обнаружить свои чувства, то думаю, следует оставить охоту за плащами и воротиться в Лувр. Я не доверяю обещанию его преосвященства сохранить нашу тайну, а вашему высочеству хорошо известно, как и всем нам, что король не смеется никогда иначе, как сжав зубы.

— Это правда. Мой брат не смеется никогда, но мы смеемся за него,— отвечал принц.

— Я согласен с Генрихом,— сказал граф де Море.— Лицемер способен сыграть с нами какую-нибудь шутку. Мы, не узнав его, так дурно с ним обошлись, что он не может не сердиться на нас.

— Притом он улыбался слишком любезно, когда простился с нами, а это дурной знак.

— Это совершенно справедливо: когда кот поднимает лапу, он обязательно царапнет.

— Полно, полно, господа,— сказал Гастон,— вы видите кардинала в черном цвете. Никто больше, чем я, не может на него пожаловаться. Не заставил ли он короля, моего брата, запретить мне вход в апартаменты моей невестки, королевы, под предлогом, что я теперь слишком велик, чтобы играть на ее коленях, как я делал это в прошлом году? А я на него не сержусь; напротив, он оказал мне услугу, сам того не зная. Теперь моя милая невестка обращается со мной как с мужчиной, а когда я

целую ее, она краснеет.

— Ришелье обесславил бы честь и добродетель своей матери, если бы это могло принести пользу его умыслам. Ничего нет священного для этого духовного лица, даже того Господа, именем которого он клянется каждый раз, когда хочет изменить своей клятве!

— Когда кардинал обещает, можно быть уверенным, что он уже нашел способ изменить своему слову,— подтвердил де Море.

— К черту кардинала! — вскричал молодой принц.— Одно его присутствие нас отрезвило. Неужели мы способны бояться его?

— Я никого не боюсь! — гордо сказал герцог Монморанси.

— И как бы он ни был смел,— продолжал таким же тоном де Море, — ему никогда не придет в голову мысль тронуть тех, у кого в жилах течет кровь Генриха Четвертого.

— Но я не прощу ему,— прибавил Монморанси,— подозрений, возбужденных в уме его величества, относительно почтительных попечений, которые я, как верный подданный, оказывал королеве.

— Кузен,— улыбнулся молодой принц,— при дворе носились слухи, что эти «почтительные попечения» невестка принимала с таким удовольствием, что король, брат мой, поступил благоразумно, удалив вас на некоторое время.

Будь ночь светлее, можно было бы заметить, как лицо Монморанси покрылось внезапным румянцем.

— Клевета, ваше высочество! — вскричал он с пылкостью.— Королева оказывала мне только дружескую благосклонность, которую она разливает на всех, окружающих ее, и, если бы Ришелье был не духовным лицом, а военным, я заставил бы его, приставив шпагу к горлу, отказаться от гнусной лжи, которую он выдумал.

— Не сердись, кузен,— сказал Гастон, смеясь.— Во-первых, добродетель королевы выше всего, что может выдумать и говорить кардинал. А потом, каждому известно, кроме моего брата, короля, что если его преосвященство так внимательно наблюдает за верностью королевы, то он делает это для собственной пользы. Кардинал влюблен в Анну больше нас всех и старается удалить от нее тех, кого она могла бы полюбить, только потому, что она не скрывает своей ненависти к нему.

— Ее величество доказывает свой хороший вкус, ненавидя такого человека,— сказал де Монморанси.— Но куда это он шел в такое время

один и пешком?

— Кто может это знать? Кардинал занимается политикой и дипломатией во всякое время и во всяком месте. Может, он идет условиться о переговорах с посланниками лондонского двора о браке принца Уэльского с нашей сестрой Генриеттой Французской.

— Разве свадьба мадемуазель Генриетты с принцем Уэльским еще не решена? — удивился Море.

— Решена, но требования кардинала замедлили и чуть было не расстроили этот брак. Ришелье в качестве духовного лица не хочет подать руки посланникам английского короля, а те этого требуют. Но граф де Бриенн нашел способ все устроить: англичане поверили нездоровью кардинала, который должен был принять их лежа в постели.

— Бриенн искусный человек, — заметил Монморанси. — Но я не допускаю, чтобы кардинал шел заниматься политикой в подобном костюме.

— Что это за костюм? — поинтересовался Гастон Орлеанский. — Вы один видели его, кузен; кардинал поспешил закрыть свой плащ, который вы раздвинули без особого уважения.

— Я не успел рассмотреть, но мне показалось, что панталоны были зеленые, а камзол — красное или желтое.

— Это карнавальное переодевание.

— Кардинал идет на какое-то свидание.

— Нам надо было идти за ним следом.

— Нет, — покачал головой принц, — у этого человека глаза на затылке.

— Ну, господа, надо же сделать хоть что-нибудь, — сказал Море, который, чтобы согреться, притопывал ногами по снегу. — Если встреча с кардиналом отрезвила нас и прогнала нашу веселость, нет никакой причины оставаться здесь. На этом проклятом мосту замерзнешь. Воротимся в Лувр или проведем часа два у Неве. Чем бы мы ни занялись, следует уйти отсюда, если мы не хотим превратиться в ледяные статуи.

— Не считая того, что, если не уйдем, нам скоро придется защищать свои плащи, — сказал Монморанси. — Добрые люди, благородный промысел которых мы позаимствовали на время и которые, чтоб не конкурировать с нами, держались в стороне, по-видимому, хотят приняться за свою деятельность. Может, нам придется обнажить шпагу

против них через несколько минут, а признаюсь, мне было бы неприятно марать свою шпагу кровью подобных негодяев. Потом, это наделало бы шуму; дозорные, может, захотели бы узнать причину шума, и мы были бы принуждены или убить с полдюжины, или позволить вести себя в Шатле.

С этими словами герцог указал на толпу людей зловещей наружности, находившуюся в шагах десяти от них, по-видимому, они совещались о том, следует ли просто прогнать незваных пришельцев или потребовать у них кошелек. Гастон взял герцога под руку:

— Да, кузен, я понимаю, что эта перспектива вам не нравится. Мы с Море можем пренебрегать этими неприятностями, потому что еще ничего не значим в государстве и отделались бы гримасой, которую брат мой, король, соорудил бы им. Я, Гастон Орлеанский, всего лишь гроссмейстер ордена Негодяйства, который установил я и великим приором которого является Море. Если бы дозорные застали нас в погоне за плащами на Новом мосту, они ничего не могли бы нам сказать. Мы исполняем нашу должность негодяев. Но вы, Монморанси, герцог и пэр королевства, полководец, адмирал, вы не негодяй и пошли с нами сегодня просто из одолжения. Я не прощу себе никогда, если доведу вас до западни. Уйдемте, господа.

— Вот и прекрасно! — вскричал Море.— А то я совсем замерз.

— Уйдемте,— продолжал принц,— но не в Лувр, господа. В Лувре страшная скука. Король Людовик Тринадцатый сегодня еще капризнее обыкновенного; Анна Австрийская, от которой благодаря стараниям кардинала он удаляется с каждым днем, также не очень желает сблизиться с ним и сегодня отправилась с визитом к герцогине де Шеврез. В Лувре мы будем смертельно скучать.

— Пойдем к Неве: вино там чудесное, а женщины очаровательны.

— Нет, Море, нет! У Неве мы можем встретиться с кардиналом.

— Но, клянусь бородой великого Беарнца, нашего отца, лучше скучать или очутиться лицом к лицу с кардиналом, чем морозить себе ноги.

— Успокойся, Море, ты не замерзнешь! Я поведу тебя в самое жаркое место, и если ты будешь скучать и там, то только по своей воле.

— Куда ты нас ведешь?

— Узнаешь.

Принц вынул кошелек, высыпал на ладонь десяток луидоров и,

швырнув их ночным вора́м, издали рассматривавших их, закричал:

— Ловите, негодяи! Это за потерю времени по нашей милости!

Разбойники стали драться за золотые монеты, рассыпавшиеся по снегу, а молодые люди, увлекаемые братом короля, добежали до Дофиновой улицы. У набережной граф Море остановился:

— Разве мы не подождем или не разыщем наших друзей, убежавших за двумя несчастными?

— Сохрани меня Бог! — сказал Гастон.— Они слишком хорошие негодяи для того, чтобы я взял их в поверенные. Пюилоран, советник негодяйства, нескромный и болтун, аббат де ла Ривьер — пьяница и останавливал бы нас в каждом кабаке, а Рошфор, мой канцлер, так ослеплен своими достоинствами, с тех пор как мадам де Гелиан сказала ему, что у него начинает расти борода, что способен, вместо того чтобы помочь мне, занять мое место возле красавицы, ожидающей меня.

— У тебя назначено свидание, Гастон?

— Это тебя удивляет, Море?

— Нет, но свидание свиданию рознь. Не с одной ли из женщин Неве?

— Фи! С дамой, с одной из наших прелестных и знатных дам! Она назначает мне уже третье свидание, а на двух первых я не был.

— Почему?

— Сказать по правде, друг, я не посмел.

— Хороша причина!

— Ах, брат! Ты годом старше меня, но тоже был бы не храбрее. Не все женщины похожи на пансионерок Неве, с которыми сейчас становится легко. Я сошлюсь на герцога, он гораздо старше нас. Не правда ли, кузен, что есть женщины, глаза которых, как ни ласковы и нежны, внушают страх и робость?

— Это правда, ваше высочество,— серьезно отвечал герцог.

— Именно это и случилось со мной. Но сегодня я решился и прошу вас обоих поддержать меня и помочь мне.

— Вашему высочеству известно, как я вам предан, но я не вижу, каким образом могу быть вам полезен в подобных обстоятельствах,— сказал герцог Монморанси.

— И я также,— заявил Море.

— Пойдемте со мной. Я скажу вам это по дороге.

— Куда мы идем?

— Во дворец моей матери, или, лучше сказать, в тот, который выстроил возле ее верный союзник.

— Кардинал?

— Мы идем в малый Люксембург?

— То есть я иду туда один, потому что не могу, несмотря на мое желание, привести двух свидетелей на любовное свидание.— Он взял под руку своих товарищей, увлекая их за собой, и продолжил: — Послушайте, друзья мои, вот чего я жду от вас. На улице Феру есть кабачок, куда аббат Ривьер водил меня один раз. Там вы найдете в ожидании меня яркий огонь и хороший стол. Я веду вас туда. В этом костюме нас никто не узнает, притом в кабачке мало кто бывает. Сначала мы опорожним несколько бутылок анжуйского. Беарнец, мой уважаемый родитель, знавший в этом толк, имел привычку говорить, что бутылка хорошего вина служит лучшим приготовлением к любовному предприятию.

— Король Генрих Четвертый был прав,— смеясь, сказал герцог.— Вино поддерживает храбрых и оживляет робких.

— Я хочу сегодня же применить на практике это правило, а никогда не представится лучшего случая, если кардинал, со своей стороны, отправившись странствовать, оставил мне свободный доступ в свой дом.

— Ах, Гастон! — вскричал граф де Море.— Ты говоришь нам слишком много или слишком мало. Но сдается мне, что твоя снисходительная красавица, назначавшая тебе три свидания, не кто иная, как мадам де Комбале.

— Племянница кардинала?

— Она самая, господа,— улыбнулся семнадцатилетний донжуан, самонадеянно приосанившись.

— Позвольте, ваше высочество,— сказал герцог Монморанси.— Я приехал из армии с берегов Сентонжа и не знаю, что происходит при дворе. Однако мне показалось, что мадам Комбале, после того как овдовела, особенно с тех пор, как дядя сделал ее статс-дамой королевы-матери, предалась строгой набожности. Она, кажется, уже не носит ни жемчуга, ни бриллиантов, ни нарядных платьев, и ее не видно ни на балах, ни в театрах. Мне говорили, что она ведет жизнь такую благочестивую и суровую, что ее величество Мария Медичи, ваша мать, очень уважает ее.

— А я вам скажу, что говорится тихо. Уверяют, будто после смерти мужа и даже прежде мадам де Комбале была любовницей кардинала, и его преосвященство, который может называться негодяем больше всех нас, назначил свою племянницу статс-дамой королевы только для того, чтобы его интриге ничто не препятствовало и в то же время она была скрыта от всех.

— Неужели у всех гугенотов есть племянницы? — воскликнул граф де Море.

— Таким образом,— продолжал Гастон,— каждый вечер, если он темный, госпожа де Комбале, торопясь засвидетельствовать почтение дяде, пробирается, закутанная в широкий плащ, вдоль стен до смежного дворца, в котором живет его преосвященство. Говорят, эти ночные прогулки прекращаются только тогда, когда он вынужден удалиться по делам короля или по своим, как сегодня, тогда он предоставляет ей свободу.

— Которой она спешит воспользоваться, чтобы назначать свидание вашему высочеству,— дополнил Монморанси.

— Эта женщина не любит оставаться незанятой,— флегматично заметил Море.

— Тогда она с трудом простит вашему высочеству, что вы заставили ее потерять два вечера.

— Думаю, она надеется наверстать потерянное в третьем.

— И, клянусь, она не ошибется! — воскликнул молодой принц с победоносным видом.— Сегодня вечером я не хочу отступать ни на шаг и принял для этого предосторожности.— Гастон вынул из кармана ключик и вложил его в руку Монморанси.— Вот, кузен, ключ, который она мне дала, чтобы я мог входить к ней инкогнито. Я отдаю его вам. Когда мы немножко согреемся в кабаке на улице Феру, я доведу вас до двери, которая открывается этим ключом; отоприте ее и, когда я войду, запирайте за мной. Не будучи в состоянии воротиться, я должен буду идти вперед.

— Очень благоразумно придумано, но, когда вы захотите уйти, кто отопрет вам дверь?

— Вы, кузен. Вы и Море. Вы воротитесь для этого, когда настанет время. Господа, вы старше меня и очень опытни в таких делах. Скажите мне, сколько, по вашему мнению, мне нужно времени, чтобы с честью окончить это дело?

— Ваше высочество, двадцатилетняя вдова, племянница духовного лица да ханжа вдобавок всегда делает три четверти дороги, если не проходит ее всю вперед.

— Очень мило сказано! — с восторгом вскричал Море.— Генрих, у вас, верно, была целая дюжина любовниц-ханжей!

— Но ее глаза, любезный герцог, жгут мою душу и отнимают все мужество,— сказал молодой принц не без некоторого замешательства.— Когда она на меня не смотрит, я чувствую себя способным на все; как только она на меня взглянет, я робею.

— Это очень просто,— возразил герцог.— Как только настанет минута, потушите свечу и будьте спокойны, темнота не заставит ханжу остановиться на дороге.

— Это чудесный совет, я сейчас же им воспользуюсь! — радостно вскричал молодой принц.

— Золотые ваши речи, Монморанси! — вскричал Море.— Как жаль, что он не хочет вступить в орден Негодяйства! Я тотчас же уступил бы ему мою должность великого приора: он заслуживает ее более меня!

Трое молодых людей шли по той дороге, по которой час тому назад шел в обратную сторону кардинал, но вскоре поворотили налево к улице Феру. Таверна, к которой они направлялись, была единственным освещенным домом на улице. Только вопреки словам о немногочисленности оттуда слышались пьяные голоса, крики и ругательства.

— О, господа,— сказал Гастон, остановившись,— мы не можем войти туда: это будет неблагоприятно. Таверна эта возле дворца кардинала и, видимо, наполнена в это время его телохранителями, которые могут, не зная нас, поспорить с нами. Я предпочитаю на этот раз обойтись без средства, предписываемого Беарнцем, и удовольствоваться тем способом, который предложил мне герцог. Пойдемте, я вас доведу до двери, за которой меня ждут. Они дошли до улицы Гарансьер. Там молодой принц остановился у низкой двери большого, мрачного здания.

— Тут,— сказал он.

Именно из этой двери вышел сегодня кардинал.

— Отоприте, кузен,— тихим голосом сказал Гастон.

Герцог ощупью отыскал замок, вложил ключ и старался его повернуть.

— Эта дверь открыта,— сказал он.— Верно, ее забыли запереть.

— Не важно,— отмахнулся принц, не обративший внимания на столь странное обстоятельство. Он переступил за порог и обернулся: — Теперь, кузен, закройте меня и приходите через час. По милости вашего доброго совета этого будет достаточно, чтобы благополучно завершить мое приключение.

Герцог повиновался, запер дверь и воротился к своему товарищу, который заметил:

— Что вы об этом скажете, Генрих? Не думаете ли вы, что если когда-нибудь Гастон Орлеанский попадет в яму, то не из-за недостатка осторожности?

— Гастон еще так молод,— отвечал герцог.

— Ба! Лета ничего не значат. Поверите ли вы мне, де Монморанси, но я знаю, что Генрих Четвертый, его благородный отец и мой, все свое хорошее отдал своим любовницам, а жене — шелуху. Наш король Людовик Тринадцатый терпеть не может женщин, а наш брат Гастон всего боится. Дети ли это его, храбрейшего из храбрецов, который перецеловал бы всех женщин в своем королевстве, если бы мог? Я незаконный его сын и только годом старше Гастона, но я не боюсь ничего. Если бы мне случилось на один час занять место моего брата, французского короля, королева Анна Австрийская, в продолжение десяти лет своего замужества остающаяся девственницей, через девять месяцев подарила бы мне дофина. Теперь, любезный Генрих,— прибавил граф де Море, переменяя тон,— как вы желаете? Хотите ждать целый час здесь, на снегу и ветру, нашего приятеля Гастона, или не думаете ли вы, как и я, что нам во сто раз будет лучше у камина в таверне на улице Феру?

— В моем выборе сомневаться нечего,— отвечал герцог.

— Пойдемте же тогда. И если там действительно телохранители кардинала, мы не станем вмешиваться в их дела, и надо надеяться, что и они не станут вмешиваться в наши.

— Вы правы, Море. Притом телохранители кардинала все дворяне, с которыми не так уж и бесславно находиться. Пойдем попросим места у их огня.

Они воротились назад и, не обращая внимания на шум, решительно вошли внутрь.

Мы оставили кардинала у герцогини де Шеврез, оставим и Гастона

Орлеанского, вошедшего к племяннице кардинала, хорошенькой и набожной госпоже де Комбале.

Мы последуем за герцогом де Монморанси и незаконным сыном Генриха IV, Антуаном де Море, в таверну на улице Феру.

Глава III,

в которой говорится о любви прокурорского клерка, об одном милом юноше, который вертит вертел, и о полудюжине забияк, которые намереваются убить его

Таверна состояла, как и все тогдашние заведения подобного рода, из двух комнат.

Первая, в которую входили с улицы, имела камин и прилавок со стаканами и горшками. Вторая, отделявшаяся от первой дверью, всегда отворенной, служила приемной постоянным посетителям, тем, которые, имея время и средства, садились на скамейках перед бутылками с вином. Люди торопившиеся или те, у которых в кошельке хватало денег только на стакан или два, пили стоя в первой комнате перед прилавком. Вторая комната нагревалась от первой посредством всегда открытой двери, но величина камина и щедрость, с какой хозяин накладывал в него дров, позволили бы там выращивать дыни.

Когда молодые люди вошли в таверну, на огромном вертеле перед камином жарился жирный гусь. Хозяин, почти такой же жирный, сам занимался вертелом, беспрестанно подкладывая дрова. Должно быть, в этот вечер в таверне затевался пир. Вторая мысль наших героев была: «Каким счастливым предназначается эта жирная птица?» Быстрым взглядом обвели они всю внутренность таверны и вот что увидели.

На углу у камина скромно сидел на скамейке молодой, чрезвычайно стройный человек лет двадцати. На нем был темно-серый камзол, очень изношенный и лоснившийся на швах, широкая полярковая шляпа с маленьким пером и черные бархатные панталоны, еще более изношенные и принявшие от старости отблески разных цветов. Его легко можно было принять за сына какого-нибудь провинциального мещанина, которому родители давно забыли прислать денег, если б не огромные кожаные сапоги, доходившие до колен и украшенные гигантскими шпорами, а также шпага, непомерно длинная, висевшая на перевязи из буйволового кожи. Сапоги и шпага указывали на военного. Скромный по виду, как и приличествует человеку в таком месте, где за все надо платить, но у которого кошелек набит не туго, этот молодой

человек смотрел не без зависти, но со спокойным равнодушием, на великолепного гуся, жарившегося у него перед носом. Он грел у огня подошвы сапог, а желудок — вином из бутылки, стоявшей возле него на каминной полке. Больше здесь никого не было, кроме него и трактирщика, который не обращал на юношу ни малейшего внимания. Поэтому в комнате царила глубокая тишина. Вертел, скрипевший в руках хозяина, и капли жира, с треском падавшие в огонь, составляли единственные звуки.

Но в другой комнате картина была совершенно иная, и оттуда-то раздавались крики, хохот, ругательства, пение, так испугавшие брата короля. В отворенную дверь виднелись все присутствующие. Ими оказались военные, в которых с первого взгляда можно было узнать поборников чести.

В Лувре, возле королевы-матери, около кардинала, да и всюду при дворе, вертелись люди сомнительного дворянского происхождения, носившие бархатные плащи, тафтяные или атласные камзолы, обшитые кружевами и позументами, серые или черные шляпы с красными или синими перьями и длинную шпагу — единственную представительницу того, что они называли своей честью. Добродетель удобная, не мешавшая им плутовать в картах и грабить парижан, не успевших воротиться домой до ночи. Всегда готовые подраться, они вызывали на дуэль любого для пользы как дурного, так и хорошего дела; кровь свою они отдавали за всех, кто хотел и мог за нее платить. Эти забияки рисковали своей жизнью ежечасно и спешили тратить деньги, когда те заводились у них. У кого денег не было, жили плутовством или лгья страстям каких-нибудь старух, позволявших постыдно разорять себя. Презираемые всеми, они внушали страх большинству, потому что их ничто не удерживало, а тот, кого они не могли победить в честном поединке, подвергался опасности быть вероломно убитым.

Их оказалось семь человек, и не было сомнения, что жаркое предназначалось для них. Они окружали длинный стол, накрытый белой скатертью и приборами. Седьмой человек составлял с ними разительный контраст, но, видимо, именно он платил за гуся. Это был толстяк лет двадцати с одутловатым и безбородым лицом, с видом скорее глупым, чем хитрым, бесстрастная физиономия которого в нормальном состоянии выражала мало, а в эту минуту омрачалась какой-то неприятной мыслью. Он казался совсем не так весел, как его

собеседники. Он был одет просто, но опрятно и походил на мещанина.

Когда герцог де Монморанси и граф де Море вошли в таверну, все присутствующие обратили на них внимание. Молодой человек, гревшийся у огня, вежливо, но холодно отвечал на поклон, который вошедшие сделали всем. Поборники, на минуту прекратившие хохот и крики при звуке отворившейся двери, опять принялись шуметь. А толстяк, бросив взгляд на пришедших, опять равнодушно прислонился к стене. Один трактирщик, с обычной проницательностью людей его ремесла, тотчас угадал под темным нарядом без перьев и кружев дворян высокого звания и, бросив вертел, с колпаком в руке, поспешно вышел к ним навстречу.

— Не беспокойтесь,— сказал герцог.— Мы хотим только погреться у огня и выпить рюмку лучшего вина, по вашему выбору.

Трактирщик, уже красный от жара, побагровел от удовольствия и гордости. Никогда подобные посетители не говорили с ним таким тоном и не оказывали ему такого доверия.

— Монсеньор,— сказал он на всякий случай, не зная, заслуживает ли этот титул тот, к кому он обращался,— у меня есть крамонское. Десятилетнее вино! Я иду в погреб.— Но взглянул на гуся и вскричал: — Ах, мой гусь!

Молодой человек, гревшийся у огня, встал со скамьи и сказал:

— Ступайте, хозяин, я позабочусь о вашем вертеле.— И просто, а вовсе не раболепно взял в руки вертел и начал его крутить.

Трактирщик быстро явился с двумя бутылками, покрытыми пылью.

— Вот, господа,— улыбался он.— А так как достойный молодой человек занял на минуту мое место, я отведу вас в комнату, где вам будет удобнее, чем здесь.

— Позвольте,— сказал Море, испугавшись мысли оставить камин,— нам еще нужнее согреться, чем пить.

— Будьте покойны, господа! Там, где я вас помещу, вы можете пользоваться тем и другим, так как здесь не греются, а жарятся.

Он взял подсвечник и отпер дверь, которая вела в его собственную комнату. Расставив бутылки на столе, он принес дров и положил их в камин. Молодые люди наслаждались, тем более что трактирщик несколько не преувеличил достоинство крамонского вина. Они, может, легко забыли бы, в каком месте находятся, если бы шум в соседней комнате не напоминал им их положение. Лишь тонкая перегородка

отделяла их от той комнаты, где шумели в ожидании гуся гордые поборники чести и их угрюмый амфитрион. Шум вдруг прекратился, и переход к полной тишине был так неожидан, что тотчас привлек их внимание. Молодые люди поняли, что изжарившийся гусь появился на столе и голодные рты нашли себе лучшее занятие, чем хохот и крики. Бренчание ножей и тарелок скоро показало, что они не ошиблись. Так как пиршество поборников чести мало их интересовало, они воспользовались тишиной, чтобы похвалить превосходное качество крамонского вина, как вдруг фраза, осторожно произнесенная по другую сторону перегородки, невольно заставила их прислушаться.

— Теперь, когда мы можем, не возбуждая внимания, поговорить о наших делах, мой милый,— говорил один голос,— скажите мне, для чего вы хотите, чтобы его убили?

— Я знаю этот голос,— прошептал герцог.

— Я тоже,— отозвался граф.

— Это голос Лафейма, начальника шайки негодяев на жалованье у кардинала.

— Исполнителей его тайного мщения. Они снова замерли и принялись слушать.

— Неужели вы отказываетесь теперь оказать мне услугу, добрый господин де Лафейма? — сказал пронзительный голос, явно принадлежащий безбородому толстяку.

— Вы не поняли меня, мой милый. Дела остаются делами, а меня еще никто не осмелился обвинять в плутовстве.

— Я вас не обвиняю, добрый господин де Лафейма.

— Вы меня встретили всего час назад, но черт меня побери, если я знаю, почему вы могли меня узнать! Впрочем, это не должно меня удивлять, ведь я страшно известен. Но вы вдруг ни с того ни с сего предложили избавить вас посредством меня лично или одного из моих друзей от человека, стесняющего вас.

— Это правда, господин де Лафейма.

— К тому же вы предложили нам в задаток ужин, за который мы теперь принимаемся. Все это очень хорошо, но прежде всего надо условиться.

— Условимся, господин де Лафейма. Я заранее согласен на все, чего вы от меня потребуете, только бы ваши притязания не превышали моих средств.

— Невозможно лучше выразаться. Во-первых, так как вы знаете меня, справедливость требует, чтобы и я вас также знал. Кто вы и как вас зовут?

Наступило минутное молчание, но потом толстяк отвечал своим пронзительным и вместе с тем сладеньким голоском:

— Я ничего не хочу от вас скрывать, добрейший господин де Лафейма. Меня зовут Нарцисс-Дезире Пасро. Я сын господина Пасро, квартального надзирателя на улице Прувер, и служу клерком у господина Гриппона, прокурора в Шатле.

— Прокурорский клерк? Черт побери, мой милый! Вы хотите позволить себе фантазию убить того, кто вас стесняет, посредством шпаги Лафейма, словно вы дворянин! — воскликнул Лафейма, хорохорясь.— Знаете ли вы, мой милый, что эти вещи обходятся дорого?

— Я вам уже говорил, добрый господин Лафейма, что на деньги я не смотрю, если вы не спросите более того, что у меня есть.

— Хорошо, хорошо. Вы мне кажетесь добрым малым, и я вижу, что мы можем условиться. Какой суммой располагаете вы, мой юный друг?

— У меня только пятьдесят пистолей, господин Лафейма.

— Пятьдесят пистолей? Это очень немного. Кого хотите вы, чтобы убили за такую безделицу? Поищите в вашей памяти, не забыли ли вы в вашем кармане еще десятка два пистолей.

— Клянусь вам, господин де Лафейма, что я не могу дать больше ничего и что, вывернув карманы, вряд ли найду чем заплатить хозяину за ужин ваших друзей и за вино, которое они выпьют.

Голос толстяка принял такой писклявый и искренний тон, что Лафейма оказался убежден.

— Хорошо,— сказал он с притворным добродушием.— Так как вы обратились ко мне, я не оставлю вас в затруднении. Ваш неприятель умрет. Только дело это так ничтожно, что я сам за него не возьмусь; один из этих господ займет мое место.

— Но наверняка эти господа не имеют вашей ловкости. А если тот, кто заменит вас, даст промах?

— Не опасайтесь, мой милый. По левую вашу руку сидит кавалер де Бельсор, гасконец с берегов Гаронны, один из самых искусных наших бойцов; он возьмется за это и уж промаха не даст. С этой минуты можете считать вашего врага мертвым.

— Но если кавалеру де Бельсору не удастся? — робко спросил негодай.

— Это невозможно!

— Однако это может случиться.

— Его заменит де Куртрив, его сосед. Не тревожьтесь, черт побери, и не жужжите в уши, иначе я предоставлю ваши дела вам самим.

— Я молчу, господин Лафейма.

— Вы не сказали причину вашего гнева против этого молодого человека, которого вы желаете отправить на тот свет. Я ведь не ошибаюсь, вы хотите освободиться от того молодого человека, который сейчас так мило вертел гуся?

— От него.

— Очень хорошо. Теперь я хотел бы знать, по какой причине?

Наступила пауза. Потом раздался пискливый голосок:

— Нужно ли говорить вам?

— Если я вас спрашиваю, стало быть, хочу знать,— грубо возразил мессир Лафейма, не церемонившийся с прокурорским клерком.

— Прежде всего вам нужно знать, что я уже два года жених Денизы, дочери садовника в Валь-де-Грасе.

— Это мне приятно,— заметил Лафейма с полным ртом.— Далее?

— Аббат де Боаробер, друг кардинала, говорил обо мне с отцом Денизы. Аббат часто обедает у мэтра Гриппона, а так как у него сильная рука, он все взял на себя. Решили, что мы обвенчаемся в День Всех Святых, но вот уже пять месяцев, как Дениза не решается.

— Дело вкуса.

— Она кокетка не хуже любой знатной дамы.

— Она права.

— Она не права, господин де Лафейма,— возразил клерк изменившимся голосом.— Этим замедлением и своим кокетством она заставила меня ревновать.

— Скверный порок, мой милый. Налейте мне вина.

— Как только могу выбрать минуту, я оставляю контору моего хозяина и скачу в Валь-де-Грас. Так как здание нового монастыря еще не закончено, там много скрытых мест; я прячусь за угол, где меня не могут увидеть, и подсматриваю.

— Это лучшее средство узнать, когда не хочешь расспрашивать.

— Да, и хорошо, что я выбрал это средство, потому что теперь знаю,

в чем дело.

— То есть вы удостоверились, что вас обманывают. Удостовериться в этом всегда хорошо. За битого двух небитых дают.

— Судите сами. Сегодня ровно неделя, как этот человек, которого я не знаю и никогда прежде не видал, явился туда в первый раз. Он тихо подошел к самому дому Денизы, внимательно осмотрелся вокруг и прогуливался возле дома около часа. Все это время Дениза, подошедшая к окну, когда он явился, ни на минуту не сошла с места и все смотрела на него из-за полуотворенного ставня.

— Черт побери! Это действительно похоже на страсть! Передайте мне, пожалуйста, этот ломтик.

— На другой день я опять был на своем посту. В тот же час явился он, и Дениза была на своем месте. Это продолжается уже целую неделю. Каждый вечер, за час до наступления ночи, он приходит, прогуливается под окном Денизы и уходит, когда становится темно. Сегодня вечером он поступил так же, но вчера я незаметно последовал за ним и видел, как он вошел в эту таверну, где, по всей вероятности, и остановился. Я узнал достаточно.

— А мне кажется, что вы вовсе ничего не знаете и похожи на ревнивца самого свирепого сорта. Клянусь рогами черта, если бы мужья и любовники заставляли убивать всех, кто сентиментально прогуливается под окнами их жен и возлюбленных, не достало бы для этого наших шпаг.

— Я вам говорю, что этот человек, хотя при мне он с ней не говорил, влюблен в Денизу, а Дениза любит его,— хрипло сказал прокурорский клерк.— Для чего станет он прогуливаться каждый вечер на одном и том же месте, где живет только одна женщина? С тех пор как Дениза увидела его, она сделалась со мной еще холоднее и сдержаннее прежнего. Они любят друг друга, говорю вам. Я хочу, чтоб он умер! Добрый господин де Лафейма, сделайте это для меня.

— Я это сделаю скорее для ваших пистолей, потому что вами, мой милый, я дорожу столько же, как и пустой бутылкой. Но дела ваши касаются вас одного, и, если вы честно отсчитаете условленную сумму, так и будет. Как только Бельсор вычистит зубы, еще набитые жиром вашего гуся, он возьмется отправить вашего врага на тот свет. Вы слышите, Бельсор?

— Я все хорошо слышал,— ответил Бельсор, крутя свои рыжие усы.

— Дело не затянется, потому что он мне напоминает молокососа, едва вышедшего из-под материнской юбки.

— Как же вы возьметесь за это? — спросил прокурорский клерк с жестоким любопытством.

— Все средства хороши, молодой человек, — отвечал наемный убийца. — Я подойду к огню, будто бы погреться, и наступлю ему на ногу. Он попросит у меня извинения, но я представлюсь обиженным и вызову его на дуэль. Он возьмет шпагу в руку — и я убью его. Вот. Отсчитывайте пистолы. Я выпью последний стакан вина за ваше здоровье и уже иду.

Наступило минутное молчание, потом раздался звон серебра. Это злодей отсчитывал цену крови.

Молодые люди, сидевшие за перегородкой, не проронили ни одного слова. Герцог был спокоен и холоден, как человек, который, несмотря на свою молодость, уже много видел. Но юный граф де Море, незаконный сын пылкого Генриха IV, такой же впечатлительный, как и его отец, побледнел от ужаса, и его рука, сжимавшая эфес шпаги, невольно дрожала. Он взял товарища за руку и молча привел его в угол комнаты.

— Мы знаем довольно, чтобы решить, как нам поступить, — сказал он шепотом. — Я полагаю, вы одного со мной мнения, Генрих?

— Каково же ваше мнение, Море?

— Напасть на этих мерзавцев и, не дав им времени опомниться, изрубить на куски.

— Я не разделяю вашего мнения, друг мой, — отвечал герцог. — Когда в жилах течет королевская кровь, как у вас, когда носишь имя Монморанси, как я, нельзя обнажать шпаги против подобных негодяев. Если б со мной было с полдюжины матросов с моего корабля, я велел бы отдуть их палками до смерти, но теперь это невозможно.

— Итак, мы разрешим умертвить этого бедного молодого человека у нас на глазах?! — с негодованием перебил граф. — Будем сидеть сложа руки, ничего не предпринимая для его защиты?

— Нет, — сказал герцог. — Прежде всего мы предостережем его насчет ссоры, которую хотят с ним затеять. Если юноша осторожный и благоразумный, он постарается избежать ее. Если, к несчастью, это ему не удастся, мы должны действовать по обстоятельствам. Но, ради бога, Море, не увлекайтесь вашей горячей кровью и положитесь на меня.

Этот молодой человек мне нравится, и, клянусь вам, я сделаю для него все, что могу. Теперь пойдете.

Он взял свечу со стола и отворил дверь в таверну.

Глава IV,

в которой молодой человек поверг наземь гасконца, пикардийца и нормандца и убил бы и других негодяев, если бы ему позволили

В ту минуту, когда герцог шел из комнаты хозяина, Бельсор уже направлялся к молодому человеку, сидевшему на том же месте и глядевшему на пылающий камин.

Кавалер де Бельсор, надев шляпу набекрень, правой рукой крутил усы, как вдруг был остановлен чьей-то крепкой ладонью, опустившейся на его плечо и пригвоздившей его к месту. Скорее изумленный, чем испуганный подобной дерзостью, он обернулся и встретился с могущественным взглядом герцога.

— Я прежде вас имею дело к этому молодому человеку и хочу первый с ним говорить,— сказал герцог.— Оставайтесь на вашем месте и ждите.

Герцог опередил Бельсора. Тот, когда высвободилось его плечо, возвратил все свое бесстыдное гасконское фанфаронство и вскричал:

— Тому, кто осмелился наложить руку на кавалера де Бельсора, видимо, очень надоела жизнь! Исполняйте ваше дело, милостивый государь, исполняйте! Это будет вашим последним делом! Я хочу, чтобы моя шпага превратилась в веретено, если сейчас же не воткну ее в ваше тело.

Герцог даже не обернулся. Молодой человек, при первых словах поднявший глаза, встал со скамьи.

— Вы имеете дело ко мне? — обратился он к герцогу, который подошел к нему и поклонился.

— Да.— Герцог обернулся и, указав пальцем на Бельсора, остановившегося посреди залы, продолжал: — Я хочу вам сказать, молодой человек, что этот негодяй, которого вы видите перед собой, получил сейчас пятьдесят пистолей за то, чтобы вас убить, вызвав на дуэль под первым предлогом. Знайте же это и рассудите, что вам делать.

Лафейма и его люди, вставшие из-за стола, чтобы присутствовать при условленной сцене между Бельсором и его обреченной жертвой, остановились, окаменев от изумления и гнева при виде человека

настолько безумного, чтобы вмешиваться в их дела. В эту минуту смерть смельчака была предрешена в мысли каждого из страшных поборников чести. Жалкий толстяк, первая величина всего этого приключения, позеленел от бешенства. Но так как он был труслив, то спрятался за своими приятелями, грозные фигуры которых скрывали его совершенно. Хозяин таверны благоразумно ретировался за прилавок, и зубы его стучали от страха. Несчастный предвидел страшную резню, в которой пострадает его мебель и он сам. Молодой граф де Море стоял в двух шагах от герцога и был готов обнажить шпагу при первом же его знаке. Но больше всех удивлялся, бесился и задыхался гасконец Бельсор.

— Черт побери! — закричал он, кулаком сдвинув шляпу на правое ухо.— Ввиду подобной обиды всякое другое дело следует отложить! Юноша будет вторым, а вы первым, милостивый государь, назвавший меня негодяем. Пойдемте! Я спрошу ваше имя, проткнув вас шпагой.

Герцог бросил на забияку презрительный взгляд, потом медленно подошел к нему, скрестив руки на груди.

— Это ты со мной говоришь, негодяй? — спросил он.

— А то с кем же? — заревел Бельсор.

— Молчать! Ты имеешь желание знать мое имя? Я тебе скажу. Меня зовут герцог Генрих де Монморанси, я маршал и адмирал. Теперь, когда ты это знаешь, сними свою шляпу. Со мной говорить следует без шляпы.

Бельсор поспешно обнажил голову, зеленея от злости. Его приятели потеряли свой надменный вид. Имя Монморанси, первое во Франции после короля и в последние годы после имени кардинала, сразу поубавило у них спеси. Каждый из них отдавал себе отчет в том, что человек, носивший имя Монморанси, несмотря ни на какое оскорбление, не мог выходить на дуэль с первым встречным; человек, носивший имя Монморанси, не скрещивал шпаги коннетабля, находившейся в его семье четыре поколения, со шпагой наемного убийцы. Нечего было и думать о том, чтобы убить его на дуэли. Оставалось умертвить его. Но Монморанси нельзя было умертвить как неизвестного дворянина. Камни на дороге поднялись бы, чтобы донести на виновников подобного преступления, а у палача не хватило бы раскаленных клещей и кипящего масла, чтобы наказать за это.

Забияки потупились. Один лишь Бельсор поднял голову. Стыд,

унижение, бешенство, что он не может отомстить тому, кто нанес ему подобное оскорбление, все дурные чувства, волновавшие его, вылились наружу.

— По крайней мере, этот поплатится за всех! — вскричал он, бросаясь на молодого человека, который оставался довольно спокойным зрителем этой сцены.

Но спокойствие, конечно, было только наружное, потому что, увидев, как Бельсор летит на него сломя голову, он протянул руку, схватил его, так сказать, на лету и с силой, противоречащей хрупкой наружности, отбросил его к камину. Потом, не занимаясь более им, он прямо обратился к герцогу:

— Монсеньор, вы предупредили меня, что этот человек получил пятьдесят пистолей за то, чтобы лишить меня жизни, и я спешу поблагодарить вас за это уведомление. Но если один получил, то, стало быть, другой ему отдал. Если бы вы могли мне сказать, кто это, вы дополнили бы услугу, которую уже оказали мне.

Это было сказано внятно, чистосердечно и тоном почти веселым, довольно странным для человека, знавшего, что он почти обречен на верную смерть.

— Я вам сейчас покажу! — вскричал граф де Море, бросаясь во вторую комнату.

Но толстяк Пасро не стал дожидаться, чтобы за ним пришли. При первых же словах, заставивших его догадаться, что будет дальше, он начал искать выход. В комнате имелось только одно окно, и довольно высоко от пола. Но клерк был молод, проворен, несмотря на свой вес, и притом боялся. Он быстро вскарабкался на стол, добрался до окна и исчез. Море мог сообщить лишь о его побеге.

— Жаль! — усмехнулся молодой человек в высоких сапогах.— Мне хотелось бы его видеть, потому что, право, все это очень странно. Нет еще и недели, как я в Париже, и говорил только с одним человеком, моим хозяином, но нажил уже себе такого смертельного врага, что он жертвует пятьдесят пистолей, чтобы меня убить! Правду говорят, что Париж — странный город.

Бельсор приподнялся, выпачканный в золе и с пеной бешенства у рта. В некоторых местах одежда его тлела. Он принялся похлопывать свое платье, туша огонь. Молодой человек взглянул на него. Веселая улыбка тут же исчезла, глаза приняли выражение презрительной угрозы,

а лицо покрылось перламутровой бледностью.

— Когда вы достаточно вычистите свое платье, мой храбрец,— сказал он,— то, может быть, решите, что пора постараться заработать пятьдесят пистолей. Вы их получили, а заработать-то надо.

— Пойдемте! — вскричал Бельсор, надевая шляпу.

— Монсеньор,— обратился к герцогу молодой человек,— если бы я знал кого-нибудь в Париже или же сейчас был день и я мог позвать первого прохожего, то не осмелился бы обратиться к вам с подобной просьбой, но вы видите, что я не могу выбирать. Я бедный дворянин, но дворянин настоящий, барон де Поанти из Дофине. Окажите мне честь вместе с вашим другом быть свидетелями этой дуэли. Заметьте, я не прошу вас быть моими секундантами. Мне хотелось бы только, чтобы честный человек мог удостоверить, что все произошло по законам совести и чести.

— Я сам хотел просить у вас позволения присутствовать при дуэли, но не из участия к вашим противникам, а к вам,— вежливо отвечал герцог.

— Тогда я вдвойне благодарен вам.

Герцог бросил изумленному трактирщику испанский дублон и вышел из таверны в сопровождении графа и барона. Лафейма и его товарищи присоединились к Бельсору, который, показывая дорогу, шел большими шагами к Сен-Жерменскому аббатству, где обычно происходили поединки. Обе группы держались на расстоянии шагов двадцати одна от другой.

— Барон де Поанти,— обратился герцог к молодому человеку,— позвольте задать вам один вопрос.

— Сколько вам будет угодно, герцог.

— Так как вы приезжий, вы не знаете, с каким человеком будете драться на дуэли?

— Это правда, герцог, и это вовсе не занимает меня.

— Напрасно, этот человек и его товарищи — люди самые опасные. Каждый из них, может, убил уже десять противников. Дуэль с ними почти всегда смертельна. Хотите принять добрый совет? Но прежде скажите мне откровенно, умеете ли вы фехтовать?

— Немножко.

— Это плохо. Но знакомы ли вы со шпагой, чтобы быть в состоянии защищаться?

— Я думаю.

— Черт побери! Вы не уверены в этом?

— Уверен.

— Кто был вашим учителем?

— Мой отец.

— Гм! Тогда, боюсь, вы знаете не много, и возвращаюсь к моему совету: не нападайте, а защищайтесь. Таким образом вы рискуете получить только царапину, которой, я надеюсь, будет достаточно для того, чтобы я велел остановить поединок. Лучше царапина, чем смертельная рана.

— Монморанси прав,— сказал Море.— Когда имеешь дело с такими негодьями, глупо драться до конца.

Если было бы светлее, друзья могли бы заметить на губах молодого человека странную улыбку.

— Благодарю вас очень искренне за все участие, которое вы оказываете мне,— сказал он.— Я вам докажу, что я его достоин. Что касается вашего совета, герцог, позвольте мне не последовать ему. Вы знаете, каждый дерется на шпагах по-своему. Вы сами все увидите.

Они дошли до места поединка. Бельсор проворно снял плащ и камзол. Противник сделал то же самое.

— Прочтите молитву,— сказал ему негодяй, обнажая шпагу.

— Я уже прочел,— отвечал барон.

Обе шпаги скрестились, синеватый блеск сверкнул от их клинков. Глухой крик нарушил ночную тишину — и Бельсор упал плашмя вперед. Барон де Поанти, опустив окровавленное лезвие своей шпаги, не шевелился.

— Кто из господ возьмет теперь пятьдесят пистолей? — спросил он самым спокойным тоном.

— Клянусь святым Иаковом, моим патроном,— вскричал с очень резким пикардийским акцентом де Курттив,— Бельсор был пьян, он наткнулся на шпагу как дурак! А этот петушок принимает вид забияки. Подожди!

Де Курттив был низенький надушенный блондин, щеголь, справедливо слывший между своими собратьями за страшного и самого вероломного дуэлянта. Он в одну секунду скинул плащ, камзол и обнажил шпагу. Он словно слышал совет, который герцог Монморанси дал молодому барону: он не напал, а оставался в оборонительной

позиции. Но случилось точно то же, и так быстро, что никто не успел проследить за этой борьбой. В результате де Курттив упал мертвый и так же лицом вниз, как и Бельсор.

Между поборниками чести пробежал трепет изумления. Но все эти люди, привыкшие играть своей жизнью, были храбры. Ни один из них не подумал отступить. К тому же они имели огромный опыт и ловкость, а противник, убивший двоих, казался так молод, что никому не пришло в голову, что молодость может скрывать глубокое знание науки фехтования и что два удара, которые они приписывали случаю, нанесла верная рука и верный глаз. Монморанси и Море, не ослепленные самолюбием, начинали склоняться к последнему предположению.

Барон де Поанти опять принял свою спокойную позу, в то время как поборники держали поодаль совет.

— Господа, я видел, как дерется этот ребенок,— говорил один из них, маркиз де Либерсаль, нормандец по происхождению, сложенный как Геркулес и сильный как бык.— Бельсор и Курттив попались, словно два дурака. Он наносит прямой удар, как школьник. Надо иметь крепкую руку и выбить у него шпагу. Я берусь за него, тем более что мне очень нужны пятьдесят пистолей прокурорского клерка.

— Берегитесь, Либерсаль! — предостерег растревоженный Лафейма.

— Вот еще! Я его отделаю разом.

— Впрочем, если с вами случится несчастье, вы будете отомщены!

Между тем Либерсаль снимал камзол.

— Не угодно ли со мной, милостивый государь? — обратился он к барону.

— Охотно,— холодно отвечал тот.

Через секунду маркиз упал, пораженный таким же ударом. Среди поборников пронесся уже не ропот, а ругательства и крики слепой ярости. Три оставшиеся шпаги обнажились. Но между ними и Поанти, который ждал их с ледяным спокойствием, вдруг встали герцог и граф де Море. Герцог Монморанси тоже обнажил шпагу, только держал ее за клинок.

— В ножны шпаги, в ножны! — закричал он громовым голосом.— Или, клянусь именем Монморанси, я стану колотить вас эфесом, между тем как барон де Поанти будет протыкать вас острием! Вы видите, что он довольно хорошо владеет шпагой. Вы хотите убивать людей и возмущаетесь, потому что они вам этого не позволяют?! Все произошло

честно, и барон де Поанти убил троих как истинно честный человек. Я знаю в этом толк и свидетельствую это. Итак, убирайте погибших и оставайтесь на месте.

Лафейма и два его товарища остановились, вложив шпаги в ножны. Герцог обернулся к барону:

— Вы удовлетворены, барон де Поанти?

— Я вполне удовлетворен,— отвечал спокойно молодой человек.

— Так наденьте ваш камзол и, если наше общество вам не противно, пойдите с нами.

— Я к вашим услугам, монсеньор, и благодарю вас за оказанную мне честь.

— Надеюсь, никто из вас не будет иметь дерзости идти за нами? — обратился герцог к Лафейма.

— Ваша светлость, можете быть спокойны, никто не будет иметь этой дерзости,— отвечал Лафейма тем бесстыдным тоном, который был ему свойствен.— Но надеюсь, что мы встретимся когда-нибудь с бароном де Поанти без его провожатых.

— Не отвечайте и пойдите,— сказал герцог молодому человеку, который уже сделал шаг к Лафейма.

— Я вам повинуюсь, но, если, как желает этот человек, мы встретимся с ним опять, я уверен, что убью его.

— Любезный барон де Поанти,— сказал ему герцог, когда они повернули за угол и удостоверились, что, верные своему обещанию, поборники не последовали за ними,— у вас ужасная рука, и, судя по тому, что я видел сегодня, убежден, что вряд ли найдется человек искуснее вас. Но чего не может сделать один, то могут сделать двое, четверо, десять, если окажется нужно. Притом, когда узнают, что шпаги бессильны, пули наверняка достигнут цели. Час тому назад у вас был только один враг — злодей, которому заплатили за то, чтобы он лишил вас жизни. Теперь ваши враги — вся шайка Лафейма, а она очень многочисленна, хотя вы уменьшили ее тремя членами. Послушайтесь доброго совета и последуйте ему сейчас. Вы выбрали себе жилище на улице Феру; забудьте, что есть в Париже такая улица, или удаляйтесь от нее как можно дальше, потому что там вас непременно будут поджидать, надеясь, что вы вернетесь в свою нору, как заяц. Ступайте не оглядываясь и остановитесь на сегодняшнюю ночь в какой-нибудь гостинице по другую сторону реки, переименуйте свое имя и, если

можете, переоденьтесь, даже на некоторое время измените черты вашего лица, чтобы, если встретят, вас нельзя было узнать. Осторожность не низость. Особенно же не возвращайтесь в Валь-де-Грас.

— В Париже есть очень хорошенькие женщины,— нравоучительно прибавил граф де Море.

Молодой барон де Поанти, глубоко тронутый подобной заботой со стороны такого человека, как герцог де Монморанси, слушал его с почтительным вниманием, но при последних словах не мог удержаться от удивления:

— Я вам очень признателен и последую всем вашим советам, кроме последнего. Мне невозможно отказаться от этих прогулок.

— За любовную интригу, молодой человек, вы заплатите, может быть, вашей жизнью.

— Клянусь вам, монсеньор, что здесь нет ни малейшей любви. Позвольте мне спросить, что заставляет вас так думать?

— Лишь то, что мы слышали собственными ушами, граф де Море и я. Тот, кто заплатил пятьдесят пистолей за ваше убийство, не кто иной, как соперник, которого вы опередили. Это Нарцис-Дезире Пасро, первый клерк прокурора Гриппона. Я очень хорошо запомнил имена.

— Он жених Денизы, дочери садовника в Валь-де-Грасе,— прибавил Море,— которая уже неделю как любит вас из окна. Она сделалась так холодна к клерку, что у него не осталось ни малейшего сомнения и он смертельно возненавидел вас.

— Притом он говорит, что целую неделю наблюдает за вами, спрятавшись за стенами нового монастыря.

— Клянусь вам, господа, что я не знаю ни девицы Денизы, ни господина Пасро и что я никогда их не видел. Отправляться каждый вечер в Валь-де-Грас меня заставляет очень важная причина, но девица Дениза, как бы ни была она хороша, ей совершенно чужда.

— Барон де Поанти, вы предупреждены об опасности. Если причина, которая приводит вас в Валь-де-Грас, не очень важная, бросьте это.

— Если бы тайна принадлежала мне, вы знали бы ее уже давно. Но, к несчастью, она принадлежит не мне. Простите меня.

— Вы очень милый молодой человек, и нам нечего вам прощать. Если люди, которые хотят вашей гибели, станут слишком уж вас доносить, войдите в особняк Монморанси и спросите меня, сказав ваше